

РОМАН ПОКОЛЕНИЯ

Керен Климовски

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*
Фотография автора на переплете *Элиаса Файнгерша*

Климовски, Керен.

К49 Время говорить : роман / Керен Климовски. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 445, [3] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-127284-5

Израиль, конец 1990-х — начало 2000-х. Двенадцатилетняя Мишка растет в благополучной семье с мамой-сказочницей и папой-профессором. Вся ее жизнь круто поменяется, когда она узнает о разводе родителей. За четыре года Мишке придется резко повзреть и пережить слишком много драматических событий, чтобы обрести свой голос и понять, что настало ее «время говорить».

«Роман взросления о людях бескомпромиссных, даже — беспощадных. Но — переполненных любовью». (Дина Рубина)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127284-5

© Климовски К.
© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

1

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Может, звучит пафосно, но факт: осенью я отказалась от любви. Думаю, навсегда. Но для начала давайте уточним, что такое осень, а то я уже поняла, что это слово для разных людей может означать совершенно разные вещи. Вот мои родители, например. Казалось бы, уже больше двадцати лет в стране и приехали сюда детьми, а всё еще тоскуют по русской осени — с дождями, грибами, опавшими листьями. Причем папа зациклен на грибах. У нас зимой тоже растут грибы — папины друзья собирают. Но папу это не устраивает. Не то, говорит, не те грибы, другие, не такие: где запах детства, запах России, запах русской литературы? Хочется сказать: в твоей университетской библиотеке! Там и сыро, и гнилью пахнет. Папа — профессор русской литера-

туры в Иерусалимском университете, и я там родилась, не в университете, конечно, а в Иерусалиме, хотя сделали меня, может, и в университете, может, даже в той самой библиотеке, кто знает, ведь когда я родилась, родители только получили дипломы... Правда, папа продолжал учиться, стал профессором и остался на кафедре. Для мамы места не нашлось — она пишет детские книжки и в шутку называет себя домохозяйкой. А потом у мамы обнаружилось высокое давление, и врачи решили, что в Иерусалиме ей жить вредно, поэтому мы переехали в центр и купили квартиру в Рамат-Илане, рядом с Бар-Иланским университетом. Папа вечно жалуется: «Преподаю в одном, живу рядом с другим — всё в моей жизни шиворот-навыворот!» Он злится, потому что ему час ехать на работу и час обратно, а иногда еще и в пробках стоит... Мама его утешает, что, может, скоро в Бар-Илане тоже откроется кафедра русской литературы, но папа на это всегда отвечает: «После дождичка в четверг!» — смысл фразы я так и не поняла, наверное, что-то вроде «Я этого уже не дождусь!».

Несмотря на вечное нытье про нехватку времени, папа написал уже три книжки о «Братьях Карамазовых», хотя я не понимаю, как можно про одну книжку написать целых три, у меня это в голове не укладывается. Тем более я этих «Карамазовых» не одолела даже до середины:

как-то все очень путано, только начнешь вникать в одну историю, как сразу заходит речь о ком-то другом. В общем, единственное, что я поняла: все русские — сумасшедшие, у них полностью крыша поехала. Но Достоевский хотя бы забавный, а вот Чехов — тоска, читаешь его и как будто медленно погружаешься в болото. Папу очень расстраивают мои отзывы, он говорит: «Это перевод плохой!» — я ведь на иврите читаю, я русский не так хорошо знаю — и даже пытался другие переводы мне подсовывать, но все равно как-то не шло. Тогда он сказал: «Вот вырастешь и сама переведешь, да, Мишенька?»

У меня такое странное имя, потому что мама была уверена, что у нее будет мальчик, и собиралась назвать меня в честь своего дедушки — Михаэль, а родилась я, и, хотя есть нормальное женское имя Михаль, мама наотрез отказалась меня так называть, потому что одну ее знакомую — набитую дуру — звали Михаль... Так что родители выпендрились и назвали меня Мишель, и теперь многие спрашивают: «Вы французы?», то есть евреи из Франции, что совсем неплохо, кстати, потому что с тех пор, как к нам на голову свалился миллион русских (то есть евреев из России, но в эти детали никто не вдается), русских у нас недолюбливают. Ну вот. А дома меня зовут Мишкой — когда к нам приходят какие-то но-

вые русскоязычные знакомые, они удивляются, что я не мальчик, а девочка, но я давно привыкла: Мишка так Мишка. А когда папа называет меня Мишенькой, у меня все внутри замирает, и никак не могу признаться, что я не только не собираюсь переводить русскую литературу, а даже читать ее не планирую, и мычу нечто неопределенное, что папа толкует как «да», и его глаза наполняются слезами, и он уже видит взрослую дочь — гордую продолжательницу дела его жизни, и в этот момент его со всех сторон окружает Великая Русская Литература и мерещится запах грибов.

Так вот, папа зациклен на грибах, а мама — на «золотой осени». Она уже сто раз читала мне это стихотворение Пушкина — и на русском, и на иврите — про все вот это «очей очарованье»; Пушкин, кстати, ничего, он, кажется, из них самый вменяемый чувак был... Иногда мама показывает мне альбом с фотографиями, на которых она, девочка с косичками и гигантским бантом в волосах, утопает в листьях — то есть лежит на траве, зарытая в осенние листья. Только фотографии черно-белые, и «золотой осени» не видно, но мама этого не понимает, и ей так хочется, чтобы я увидела эти золотистые листья, что иногда я их даже вижу. Хотя проще всего мне понять «золотую осень» через маму: у нее пышные волосы осеннего цвета, золотисто-мед-

ные, и большие карие глаза, ни у кого такой красивой мамы нет. Все говорят, что я на нее похожа, но этого не может быть, потому что мама красивая, а я уродина. Но не будем об этом.

В общем, я просто хотела сказать, что моя осень — это не грибы, и не золотые листья и Пушкин, и даже не дожди. Разве что предчувствие дождя. Тот особенный запах, который появляется в воздухе в начале или середине сентября, когда отходят последние хамсины, и в небе висит, как флаг, первое робкое облако, и в классе еще открывают окна, чтобы проветрить, и вроде еще жарко, но что-то изменилось, и это невозможно не почувствовать, не заметить — такой запах обновления и надежды, запах влаги, запах близости дождя.

А еще осенью начинается школа, и запах обновления проникает во все предметы: в новые тетрадки и оберточную бумагу для учебников, в пенал, карандаши и гелевые ручки, которыми нам только-только — в шестом классе — разрешили писать. Повезло, конечно, что учебный год начинается осенью, когда уже не так жарко и можно сосредоточиться на чем-то, но все эти запахи сводят с ума, по крайней мере меня. Нам опять, в очередной раз, обещают, что все будет хорошо, что круг завершен: мы вернулись к началу, и так будет всегда — начало года,

запах бумаги и учебников, синий маркер на белой доске... Короче, мы все будем жить вечно! И мне так нравится эта мысль, что я даже готова, чтобы школа была вечно — ведь нигде больше так не ощущается начало, как здесь! Не зря у нас и Новый год осенью: ведь это тоже начало, и — вместе с обещанием дождя — обещание, что все повторится, что каждую осень будет месяц *тишрей**, а в нем *Рош а-Шана***, и яблоки, которые макают в мед, и зернышки граната, и заунывные звуки *шофара****, и моя любимая песня, в которой на школьной линейке в начале года мы поем, что в следующем году будем сидеть на балконе и считать пролетающих мимо птиц из северных стран, а дети (то есть мы!) будут играть в салки между домом и полями — так именно и поется «между домом и полями», и, когда я тоже пою эти слова, наша крохотная страна вдруг растет как на дрожжах, заполняет собой карту мира, на какое-то время становится огромной и бескрайней, потому что вот это пространство «между домом и полями» — оно безмерное.

* Тишрей — первый месяц еврейского (лунного) календаря. Приходится примерно на сентябрь-октябрь.

** Рош а-Шана (букв. «голова года» (*ивр.*)) — еврейский Новый год.

*** Шофар — сделанный из рога ритуальный музыкальный инструмент.

Я так люблю это время, что даже десять дней между Новым годом и Судным днем* — Десять дней раскаяния**, которые называются угрожающе «страшные дни», — мне совсем не страшны. Не могу сказать, что в чем-то сильно раскаиваюсь, но в эти дни чувствую: что-то меняется. И сны снятся чудесные, сны месяца тишрея, когда жара — отголосок, а дождь — обещание. Однажды мне даже приснились падающие яблоки — антоновка, мамин любимый сорт (хотя я никогда не была в России — просто мама про это рассказывала). Яблоки падали на Красную площадь, которая была буквально красного цвета. Мама тогда сказала, что, конечно, я так особенно чувствую тишрей, ведь по ее линии у меня семь поколений раввинов, это у меня в крови, на генетическом уровне, но, увидев папино лицо, тут же сменила тему: папа — ярый атеист, он религию терпеть не может, а израильских религиозных просто на дух не переносит, у него даже одна из книжек о том, что Достоевский на самом деле в Бога не верил и презирал его. Я у папы как-то раз спросила: «А как можно презирать ко-

* Судный день (Йом-Кипур) — самый важный еврейский праздник: день поста, покаяния, очищения и отпущения грехов.

** Десять дней раскаяния — десять дней между Новым годом и Судным днем; в эти дни принято просить прощения у других людей, подводить духовные итоги.

го-то, в кого не веришь?» Папа разозлился и сказал, что я ничего не понимаю...

А больше всего, как ни странно, люблю Судный день. Хотя мои друзья считают этот день самым скучным: по телеку, например, ничего не показывают. (Тоскливее только День памяти жертв холокоста, тогда по телику сплошные документальные фильмы про концлагеря и газовые камеры, бр-р-р.) Ну и вся эта идея, что нас записывают в Книгу жизни или Книгу смерти, и подсчитывают наши грехи и добрые дела, да еще на весах взвешивают, так что Бог представляется таким дотошным и занудным бухгалтером... Только они не понимают, что на самом деле Судный день совсем не об этом. Он — о красоте. Это самый красивый день в году. Даже не потому, что поют красивые молитвы, хотя они и правда красивые. И не потому, что в этот день — вернее, накануне — прошишь у всех, кого обидел, прощения, и что-то щемит в сердце, и это очень приятно (хотя прощать еще приятней), и по-своему тоже красиво — когда слезы на глазах и сдерживаешься, чтобы не заплакать... И даже не потому, что в этот день не летают самолеты, не ходят поезда и не ездят машины (даже такие отпетые атеисты, как папа, не садятся за руль). Дороги всей страны наводняются детьми на великах и роликах, и это красиво! Но самое красивое — поход в синагогу: и вечером, когда смеркается, и утром, когда светает.

В этот день в синагогу ходят все, почти все, даже мы (хотя папа ворчит). Это тот самый «раз в году» для светских семей. Все идут в синагогу, и все в белом. Такая традиция. Представьте: толпы народу — «народ Израиля», прямо как в *Торе**, все на улицах, и все в белых одеждах. И эти одежды слегка пузырятся и вздуваются на легком ветру — предвестнике израильской осени, — так же вздуваются и пузырятся белые простыни, вывешенные на просушку в начинающей остывать Иудейской пустыне, где живут папины родители. Вечером, в мягко густеющей темноте на улицах как будто шествие привидений, и белые одежды** сияют в полумраке, а когда на них падает свет фонарей, кажется, что свет струится от самой одежды. А днем... днем плывет караван кораблей — не по морю, а по пустыне: это мы — весь народ Израиля, люди-корабли. И плывем не за угол, не на соседнюю улицу в синагогу, а просто выплываем все вместе в бескрайний и безбрежный мир. И это очень красиво. Правда. Я каждый год этого жду.

А в этом году все безнадежно испорчено. И теперь, думая о Судном дне, я буду думать не о белых кораблях, а о несчастном подслушанном

* Тора — Пятикнижие.

** По традиции в Йом-Кипур надевают белое.